
Демографические взрывы в Японии периодов Токугава и Мэйдзи и их исторические последствия

© 2021 г. А.Н. Мещеряков

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4.*

E-mail: meshtorop@yahoo.com

Поступила 16.12.2020

За последние четыре столетия Япония пережила два длительных демографических бума. Первый датируется XVII в., другой – второй половиной периода Мэйдзи (1868–1912). Их исторические и социальные последствия оказались совершенно различными – в силу того, что эти эпохи имели кардинальные различия в картине мира. В эпоху сёгуната Токугава (1603–1867) Япония была закрытой страной, и мыслительные конструкты, которые выстраивались в это время, не были рассчитаны на «развитие», «прогресс» и экспансию. Идеалом являлось отсутствие перемен в любой области жизни. Все проблемы решались исключительно за счет внутренних ресурсов. Что до мэйдзийской картины мира, то идея «прогресса» и «развития» была вмонтирована в нее, а приобщение страны к «мировой» культуре и цивилизации делало возможным и даже необходимым поиски путей решения проблем за счет внешнего фактора – миграций и экспансии.

Ключевые слова: Япония, демографический бум, периоды Токугава и Мэйдзи, картина мира.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-181-191

Цитирование: *Мещеряков А.Н.* Демографические взрывы в Японии периодов Токугава и Мэйдзи и их исторические последствия // Вопросы философии. 2021. № 6. С. 181–191.

Demographic Explosions in Tokugawa and Meiji Japan and Their Historical Consequences

© 2021 Alexander N. Meshcheryakov

National Research University Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: meshtorop@yahoo.com

Received 16.12.2020

Japan has experienced two long-lasting population booms over the past four centuries. The first dates from the 17th century, the other – the second half of the Meiji period (1868–1912). Their historical and social consequences turned out to be completely different – due to the fact that these periods had cardinal differences in the picture of the world. During the era of the Tokugawa shogunate (1603–1867), Japan was a closed country, and the mental constructs of this time were not designed for “development”, “progress” and expansion. The ideal was the absence of change in any area of life. All problems were solved exclusively with the help of internal resources. As for the Meiji picture of the world, the idea of “progress” and “development” was embedded in it, and the country's entry to the “world” culture and civilization made it possible and even necessary to find ways to solve problems due to an external factor – migration and expansion.

Keywords: Japan, population boom, Tokugawa and Meiji periods, picture of the world.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-181-191

Citation: Meshcheryakov, Alexander N. (2021) “Demographic Explosions in Tokugawa and Meiji Japan and Their Historical Consequences”, *Voprosy filosofii*, Vol. 6 (2021), pp. 181–191.

Период Токугава

После окончания жестоких междоусобных войн Япония была объединена под эгидой сёгуната Токугава в начале XVII в. Это имело огромные политические, социальные и институциональные последствия. Демографическая ситуация также претерпела колоссальные изменения. Согласно оценкам, население Японии на начало XVII в. составляло от 12 до 17 миллионов человек. Несмотря на разницу в оценке количественных показателей, все историки и демографы едины в том, что XVII в. явился периодом бурного роста населения, подпадающего под определение «демографическая революция». Известный астролог и географ Нисикава Дзёкэн (1648–1724) утверждал, что с образованием сёгуната Токугава население значительно выросло, а продолжительность жизни отдельного человека стала длиннее, поскольку жизнь стала «спокойнее», а питание лучше [Нисикава 1988, 32–36].

Рост населения был предопределен двумя главными факторами: послевоенным восстановлением дезорганизованной экономики и увеличением коэффициента брачности, в связи с чем XVII в. нередко квалифицируют как «революцию браков» [Кито 2000, 89–90]. В 1721 г. была проведена первая перепись населения в масштабах всей страны (переписи в отдельных княжествах проводились и ранее), согласно которой население составило 26 миллионов 50 тысяч человек. Под перепись не попадали аристократы в Киото (их численность не являлась статистически значимой), самураи,

парии, айны. С учетом «выпавшего» населения (считается, что это приблизительно 20%) японцев в начале XVIII в. насчитывалось около 31 миллиона человек. Далее в течение длительного времени вплоть до середины XIX в. численность населения демонстрировала лишь очень незначительные колебания. Иными словами, мы наблюдаем ситуацию демографического равновесия, которую часто называют «стагнацией». В значительной степени такое равновесное положение обеспечивалось с помощью осознанных мер (как властей, так и «простых» японцев), направленных на ограничение роста населения.

Быстрый рост населения в XVII в. привел к тому, что уже в его конце высказывалось серьезное беспокойство по поводу перенаселенности. Оно находит выражение в тех мерах, которые принимались на уровне отдельных княжеств, где начали ограничивать рост населения: это запрет на въезд мигрантов из других княжеств, поощрение выезда в другие княжества, запрет на дробление мелких земельных участков, сопровождавшийся запретом (ограничением) на браки младших сыновей. В некоторых княжествах (например, в Тоса, совр. преф. Коти) устанавливался нижний порог для вступления в брак: 30 лет для мужчин и 20 лет для женщин. В указе, принятом в княжестве Сэндай (преф. Мияги) в 1677 г., говорилось: «Судя по данным недавней переписи населения княжества, количество людей значительно увеличилось, и мы предполагаем, что через 10 или 15 лет зерна перестанет хватать. Если люди продолжают беспорядочно плодиться, подобно птицам и зверям, настанет ужасный голод. Даже если взрослые выживут, детоубийства будет не избежать». В одном из ранних сельскохозяйственных трактатов («Хонэн дзэйсё», 1685 г.) содержался призыв не поддаваться чрезмерной родительской любви и не предоставлять наследство всем детям, поскольку это приведет к беспросветной бедности потомков. В трактате проводится мысль о желательности небольшой семьи, состоящей из супружеской пары, одного ребенка и двух слуг. Современники свидетельствовали, что в некоторых регионах многодетность считалась явлением «постыдным» [Farris 2006, 61–62].

Инфантицид был привычным для японцев способом решения демографических семейных проблем. Иезуиты еще в XVI в. отмечали: японцы прибегали к инфантициду, когда считали, что таким образом избавляют ребенка от пожизненной бедности [Drixler 2013, 66, 70]. Для обозначения инфантицида в японском языке существовало несколько терминов, наиболее распространенным из них был *мабики* («прореживание», «прополка»). Он входит в широкий обиход с конца XVII в., то есть именно в тот период, когда перенаселенность стала вызывать серьезное опасение. В понятие *мабики* входят как искусственные выкидыши, так и убийства новорожденных (удушение, отлучение от груди, оставление без присмотра). В первые дни после родов младенец еще не считался «настоящим» человеком, что избавляло родителей от мук совести. «Прореживание» воспринималось самими носителями этой культуры как проявление ответственности за благополучие живых членов семьи – как детей, так и взрослых (стариков) [Farris 2006, 247]. Согласно тщательным подсчетам, в северо-восточной Японии, где инфантицид получил наибольшее распространение, «прореживанию» подвергалось около трети детей [Drixler 2013, 2–4].

Таким образом, идея ограничения населения находила сторонников как среди властных структур, так и на низовом уровне.

На всем протяжении периода Токугава на сокращение роста населения влияли такие «естественные» факторы, как высокая смертность (в особенности детская), инфекционные заболевания, голод, что приводило к низкой продолжительности жизни. Тем не менее в XVII в. мы наблюдаем рост населения, а в XVIII – его стагнацию. Причина кроется прежде всего в изменившемся прокреативном поведении, предполагавшем планирование семьи. К социальным факторам, ограничивающим рождаемость, следует отнести следующие: «прореживание»; длительное вскармливание грудным молоком (понижало вероятность зачатия); широкое распространение среди молодых людей и девушек длительного (несколько лет) отходничества (особенно в урбанизированной

центральной Японии), что повышало возраст вступления в брак и сокращало репродуктивный период.

Кроме того, следует учитывать, что социальная политика сёгуната объективно способствовала ограничению рождаемости. Стабильность была основной ценностью в картине мира, которую рисовала себе власть. Она предпочитала иметь дело с институтами, которые не претерпевали изменений – ни качественных, ни количественных. При сёгунате Токугава на всех уровнях господствовал принцип примогенитуры, когда единственным наследником становился старший сын. Исключения имелись, но они были редки. С точки зрения демографической ситуации институт примогенитуры имел наибольшее значение для самой многочисленной социальной группы – крестьянства. Земельные участки были малы и не подлежали дроблению. Таким образом, младшие сыновья оставались безземельными, работали на старшего брата или становились батраками, так что зачастую не имели экономической возможности создать свою семью (либо создавали ее с большим опозданием). В купеческой среде наследнику доставалось торговое дело, в ремесленной – производство, в самурайской – рисовый паек, в княжеской или сёгунской – власть.

Разумеется, нередко складывалась такая ситуация, когда прямого наследника по мужской линии вообще не оказывалось, что вело в теории к ликвидации семьи (дома). Однако в большинстве случаев этого не происходило, поскольку разрешалось взять из другой семьи приемного сына. Европейская практика по отношению к приемным детям была направлена прежде всего на обеспечение их благополучия, в Японии же основной социальный смысл заключался в спасении семьи или дома. Необходимость иметь только одного наследника могла приводить к заключению, что слишком большое количество потомков ослабляет «основной дом» (хонкэ). Именно такая формулировка содержалась в докладной записке, адресованной князю Мито [Drixler 2013, 65–66]. Основной единицей, с которой имела дело власть, была не отдельная личность, а дом, семья, деревня. Их количество оставалось более-менее стабильным, что соответствовало идеальным представлениям об устройстве социального мира.

Страна пребывала в равновесном состоянии, идеал состоял в неизменности порядков во всех областях жизни: политической, экономической, хозяйственной, демографической. «Реформы», проводившиеся время от времени правительством, имели своей целью консервацию старых порядков, а не «развитие» или же «прогресс». Самураи получали от сюзерена фиксированные пайки рисом, крестьяне облагались фиксированным налогом, княжества и сам сёгунат получали фиксированный доход и имели фиксированный бюджет на протяжении почти всего времени существования сёгуната. Предполагалось, что так будет всегда. С конца XVIII в., когда в некоторых княжествах стала наблюдаться депопуляция (в основном это касается северо-востока страны с его неблагоприятными климатическими условиями), начали приниматься некоторые меры по увеличению населения. К их числу относятся введение «журналов беременности» (по меньшей мере, в 35 княжествах местные власти регистрировали беременных женщин, чтобы те не прибегали к «прореживанию») и выплата детских пособий (56 княжеств) [Drixler 2013, 30]. В некоторых княжествах северо-восточной Японии главам многодетных крестьянских семей позволяли носить престижную (самурайскую) одежду, проводились и кампании по привлечению невест из других регионов, поощрялось создание новых домохозяйств [Farris 2006, 182]. Но все эти меры были рассчитаны прежде всего на восстановление «привычного» уровня населения, а не на его рост.

В условиях критического роста населения, не подкрепляющегося соответствующим ростом доступных ресурсов (прежде всего пищевых), часто наблюдаемым в мировой истории ответом на сложившуюся ситуацию являются войны и миграции. Политическая система эпохи Токугава была основана на тщательно выстроенной системе сдержек и противовесов, которая оказалась чрезвычайно эффективной: за время правления сёгуната гражданских войн и восстаний удалось избежать. Сёгунату удалось также прочно закрыть страну как для въезда, так и для выезда, так что демографическое давление не реализовывалось в эмиграцию за пределы страны. Сколько-то значительных миграций

внутри страны тоже не наблюдается. В период Токугава кризис перенаселенности не привел ни к каким последствиям для судеб других стран и народов. Он не нашел выхода ни в миграциях, ни в войнах (как внутренних, так и внешних). Демографическое давление было ослаблено как за счет внутренних управленческих ресурсов, так и за счет коррекции репродуктивной модели на индивидуальном уровне, то есть тех мер, которые теперь называются «планированием семьи».

После революции Мэйдзи

В период Мэйдзи происходят кардинальные перемены во всех областях жизни. Решительному пересмотру подлежали основные понятия и ценности. Если для периода Токугава базовой ценностью была стабильность, то теперь содержание государственного и общественного дискурса определяли такие понятия, как «движение» и «прогресс», предполагавшие ликвидацию прежних институтов и способов осмысления действительности. Справедливо считалось, что только «развитие» способно спасти Японию от статуса колонии какой-нибудь западной державы.

В это время Япония активно взаимодействует с миром. Ее интеграция в «мировой порядок» привела к тому, что страна столкнулась с множеством новых проблем, но одновременно приобрела и новый набор «международных» возможностей для их решения. В области демографии к таким возможностям относятся миграции и приобретение силовым путем новых территорий в качестве «жизненного пространства» для расселения японцев.

Ликвидация сословий, понижение социальных барьеров и увеличение мобильности населения облегчили поиск брачного партнера. Это привело к значительному повышению коэффициента брачности, который к концу периода Мэйдзи поднялся с 80% до 97–98%. В большой степени этот рост был обеспечен за счет того, что младшие сыновья и бедняки получили возможность для создания семьи. Таким образом, практически все взрослое население Японии стало вступать в брачные отношения, предполагавшие принесение потомства. Экономическое развитие и повышение жизненного уровня позволяли большему количеству людей вступать в брак и заводить детей. При этом среднее количество детей в семье практически не изменилось (около пяти). Настойчивая пропаганда моногамной семьи как базовой ценности Запада привела к резкому снижению количества разводов (а они были обычны в токугавской Японии), что также повысило репродуктивную базу. В этой пропагандистской кампании приняли участие и сам император Мэйдзи, и его наследник принц Ёсихито. Таким образом, за короткое время удалось изменить характер брачных отношений, существовавших веками.

Расширение репродуктивной базы привело к стремительному росту населения: если в 1872 г. оно составляло около 34 миллионов человек, то к 1913-му – 53 миллиона на 362 тысячи. Основной рост пришелся на вторую половину периода Мэйдзи. Поначалу это не вызывало беспокойства – по сравнению со многими другими странами население Японии продолжали считать незначительным. Видный философ Иноуэ Тэцудзиро (1855–1944) в 1889 г. писал: «Во всем мире для японцев существует лишь одно место для жизни – это Япония, следует помнить, что только в самой Японии может жить японец. Трудно ожидать изменения нынешней ситуации, когда японцы сумеют развиться, станут сильным и большим народом, распространятся по миру, станут переселяться в другие страны. Поэтому в течение определенного времени японцы смогут жить только в крошечной Японии» [Иноуэ 1889, 6].

Тем не менее государство стало использовать внешнюю миграцию для осуществления своих планов. Но это поначалу были не столько демографические, сколько экономические цели. Предполагалось, что японские сельскохозяйственные рабочие смогут заработать за границей немалые деньги, которые они по возвращении на родину используют для подъема экономики. Иными словами, это была разновидность отходничества. С 1885 г. правительство начало поощрять эмиграцию, которая была направлена прежде всего на Гавайи и в США; см.: [Савельев 1997]. Рабочие направлялись

туда по контракту, заключенному с правительственным агентством (затем появились и частные посреднические фирмы). В конце XIX – начале XX в. в США ежегодно приезжало около 10 тысяч человек. Однако вскоре в США были введены ограничительные меры на миграцию из Японии, а с принятием в 1924 г. антиэмиграционного закона поток переселенцев в США почти прекратился. Это вызвало серьезные проблемы в двусторонних отношениях. Тогда японское правительство стало поощрять переселение в Южную Америку.

Японцы мигрировали и на вновь приобретенные территории: Тайвань, Южный Сахалин, Корею. В начале XX в. еще не говорили о перенаселенности собственно Японии, но ее колонии считались недостаточно населенными японцами, которые должны были обеспечить освоение и развитие этих территорий. Однако трудовая миграция в колонии не имела масштабного характера, хотя правительство продолжало призывать японцев к эмиграции. В 1906 г. теоретик и практик японского колониализма Гото Симпэй (1857–1929) призвал 500 тысяч японцев переехать в Маньчжурию. Несмотря на исключительно вялую реакцию, в 1910 г. министр иностранных дел Комура Дзютаро (1855–1911) пошел еще дальше, заявив: в следующие 20 лет миллиону японцев следует обосноваться там. Однако и этот призыв не закончился практически ничем.

Проблема перенаселенности Японии была по-настоящему актуализирована в 1920-х гг. В 1918 г. по стране прокатились «рисовые бунты»: люди протестовали против повышения цен на рис. Это спровоцировало дискуссию о том, может ли земля Японии прокормить такое количество людей. Однако последующие события (эпидемия «испанки» – около 450 тысяч жертв, и землетрясение 1923 г. – около 100 тысяч погибших) несколько охладили ее. Тем не менее катастрофы не могли переломить повышающий популяционный тренд. Позиция правительства по этому вопросу была двойственной. С одной стороны, рост населения вызывал удовлетворение, но с другой – обеспокоенность. На правительственном совещании 20 июля 1927 г., посвященном проблемам демографии и продовольствия, премьер-министр Танака Гиити (1864–1929) заявил: «За последние годы население нашей империи быстро росло, что символизирует процветание государства и вызывает радость. Рост населения не только свидетельствует о жизнеспособности нашего народа, но и составляет основу для сильной страны. Однако территория нашей страны мала и обделена природными ресурсами, а развитие промышленности еще недостаточно, и из-за высокой плотности населения потребление продуктов питания растет быстрыми темпами, то и дело возникает дисбаланс в спросе и предложении рабочей силы, что вносит нестабильность в жизнь народа» [Фудзино 1998, 121–122]. В связи с этим ставилась задача по увеличению производства продовольствия. Однако выполнить ее было непросто, а великая экономическая депрессия усугубила ситуацию: в депрессивных регионах японцы подголаживали. Согласно данным министерства просвещения, 200 тысяч деревенских детей страдали от недоедания. Эмиграция виделась наиболее простым и эффективным способом решения продовольственной проблемы. В 1927 г. население Японии составляло 61 миллион 659 тысяч человек при плотности 161,5 человек на кв. км.

В такой ситуации правительственная политика не была направлена на повышение рождаемости. Но о сокращении рождаемости речь тоже не шла. В то время евгенические теории пользовались определенной популярностью, было распространено мнение, что люди с «дурной» наследственностью размножаются быстрее, чем обладатели наследственности «хорошей», «что предвостит в будущем страшную угрозу для государства». Проблема стерилизации этих «элементов» активно обсуждалась и в обществе, и в парламенте, но не находила поддержки в правительстве. Весомым аргументом против принятия такого закона служило то соображение, что стерилизация противоречит идее семьи, которая служит основой японского государства [Там же, 140, 282]. Таким образом, меры по сокращению рождаемости все-таки обсуждались, но по идеологическим причинам отвергались.

Все попытки решить проблему перенаселенности Японии за счет эмиграции заканчивались с ограниченным результатом. В 1935 г. за границей Японского архипелага

(Корея, Тайвань, США, Бразилия, Маньчжоуго) пребывало 940 тысяч японцев (1,4% населения собственно Японии), но в основном это были не переселенцы на постоянном месте жительства, а «командировочные» и те люди, которые уехали на временные заработки. При этом убыль японского населения практически уравновешивалась мигрантами из колоний (только корейцев насчитывалось в Японии 620 тысяч человек). Японцы не желали покидать родину навсегда. А ведь именно к этому призывало их государство. Исии Итаро (1887–1954), глава отдела эмиграции министерства иностранных дел, заявлял: «Один из недостатков японцев состоит в том, что они ищут быстрого успеха. Эта черта обнаружила свою предельную пагубность в деле экспансии японцев за границу... Если ты едешь за границу, ты должен подготовиться жить и умереть там. Будь терпелив, не спеши, старайся неспешно заложить экономическую основу своей жизни – только в этом случае японская эмиграция может быть успешной» (цит. по: [Igiue 1974, 255]). Но сами японцы предпочитали жить и умереть на родине.

Параллельно с правительственными попытками ослабить демографическое давление за счет эмиграции в 1920-е гг. в обществе зарождается движение по ограничению рождаемости. Хотя правительство в это время не проводило политику, непосредственно направленную на повышение рождаемости. Однако оно с большой подозрительностью относилось к призывам ограничить рождаемость, аборт были запрещены, печатные произведения, ратующие за планирование семьи, подвергались цензуре, публичные лекции поборников контроля над рождаемостью отменялись. Так произошло, в частности, с приехавшей в Японию в 1922 г. американкой Маргарет Сангер (1883–1966) – известной активисткой движения за контролируруемую рождаемость. Тем не менее ее визит значительного помог в деле консолидации сторонников планирования семьи. Несмотря на гонения, в связи с неблагоприятной экономической ситуацией второй половины 1920-х гг. противозачаточные средства все-таки начали получать распространение [Огино 2006, 155–156].

В 1926 г. «толстый» журнал «Тайё» провел опрос видных публичных фигур по вопросу о том, одобряют ли они ограничение рождаемости в тех семьях, которые испытывают материальные затруднения. Большинство анкетированных ответили утвердительно, что свидетельствует не только о низком уровне жизни в тогдашней Японии, но и о том, что среди интеллигенции идея планирования семьи находила достаточное понимание. Однако в политических кругах все большее влияние получали люди в погонах, которым требовались все большие человеческие ресурсы для экспансионистской политики. Недаром активный член пролетарского движения Аогаки Дзэнъитиро (1887–1975) утверждал, что ограничение рождаемости имеет антимилитаристскую составляющую [Фудзино 1998, 116–117, 121]. Среди сторонников ограничения рождаемости было вообще много «левых», на которых в начале 1930 гг. обрушились репрессии. Общественное движение по контролю над рождаемостью и планированию семьи было запрещено в 1935 г. Символично, что сам журнал «Тайё» прекратил существование еще в 1928 г.

Проблема перенаселенности Японии была актуализирована и на Западе, где прозорливые демографы предрекали, что избыточное население толкает Японию к войне. В 1929 г., еще до создания марионеточного государства Маньчжоуго под эгидой Японии, появилась книга знаменитого американского демографа Уоррена Томпсона (1887–1973) «Мировое население и угрожающие регионы», которая спустя два года вышла и в Японии в двух разных переводах. В этой работе автор с большой долей вероятности предполагал, что перенаселенность Японии может толкнуть ее к экспансии, поскольку в силу культа семейных ценностей она не имеет перспектив с точки зрения ограничения рождаемости, несмотря на недостаточную ресурсную (прежде всего, пищевую) основу. Томпсон даже говорил о желательности передачи Японии каких-нибудь островов в западной части Тихого океана, но признавал, что на практике это вряд ли возможно, и потому Япония будет вынуждена прибегнуть к завоеваниям, поскольку правительство не сумеет справиться с демографическим давлением [Thompson 1929, 47–48].

Идеи Томпсона были востребованы не только в ученых кругах, ведь, говоря о связи перенаселенности и неизбежности экспансии, он указывал на «объективные» факторы и давал козырь японским поборникам «активной» внешней политики, то есть милитаристам [Ёсида 1962, 119].

Умеренная часть общества была обеспокоена проблемой перенаселенности и выступала за изменение репродуктивного поведения населения. Однако военные исходили из другой картины мира. Они говорили об обделенности Японии ресурсами. Дискурс о том, что Япония «несправедливо» лишена природных ресурсов, стал пользоваться особенно большой популярностью в связи с великой экономической депрессией, подорвавшей японский экспорт, что немедленно сказалось на доступности импорта, без которого японская экономика обойтись уже не могла. Военные предполагали получить природные ресурсы для растущего населения страны за счет приобретения новых территорий и их освоения. Их целью было обеспечение ресурсной автаркии. Токугавская Япония была абсолютно независима от ресурсов внешнего мира, и тогда считалось, что страна полностью обеспечивает себя. Расхожее мнение того времени заключалось в том, что Япония обладает всем необходимым для благополучного существования: «...наша страна изобильна пятью злаками [рис, ячмень, чумиза, бобы, просо], богата пятью металлами [золото, серебро, медь, железо, олово] и во всем испытывает недостаток, потому, видимо, имеет полное основание не оглядываться на других» [Оцуки, Симура 2009, 47].

В Японии 1930-х гг., однако, преобладали другие настроения. В пользовавшемся значительной популярностью памфлете Нисино Юдзи «Следующая дальневосточная война: куда должна отправиться императорская армия» (1930 г.) утверждалось: если японцы не станут одушевляться освоением заграничных территорий, их неминуемо ожидает подъем классовой борьбы, людоедство и самоуничтожение. Сознание того, что земля Японии слишком мала и бедна для такого количества населения, владело умами. В романе видного писателя Ёкомицу Риити (1898–1947) «Шанхай» (1928–1931 гг.) главный герой Санки, пребывая в Китае, размышляет таким образом: если бы я находился в Японии, единственное, чем я мог бы помочь ей, – так это поменьше кушать. Однако находясь здесь, в Шанхае, мое тело занимает определенное физическое пространство, превращая его в территорию Японии, то есть как бы увеличивая ее [Dinmore 2006, 14].

Важнейший этап миграционной политики связан с Маньчжоуго – государством, созданным в 1932 г. в результате военной агрессии и полностью контролировавшимся Японией. Это был новый этап в деле решения внутренних проблем за счет внешнего фактора. Прежняя миграция в другие страны обычно предполагала возвращение на родину, но поддерживаемая правительством миграция в Маньчжоуго замыслилась как переезд на постоянное жительство. Предполагалось, что освоение японскими переселенцами маньчжурских просторов обеспечит доступ к новым природным и пищевым ресурсам.

В 1930 г. на постоянном жительство в Маньчжурии находилась всего тысяча японцев. Широкомасштабная государственная программа по переселению одного миллиона крестьянских дворов (5 миллионов человек) в Маньчжоуго начала осуществляться в 1936 г. Программа была рассчитана на 20 лет, крестьянам предоставляли участки таких размеров, о которых они и не могли мечтать в Японии. Однако и эта переселенческая попытка окончилась неудачей – к концу Второй мировой войны в Маньчжурию переехали только 270 тысяч человек. Формировавшийся столетиями тип оседлого японца трудно поддавался уговорам на миграцию. В отличие от царской России и СССР, где главные усилия государства были направлены на то, чтобы прикрепить человека к определенному месту, японское государство пыталось открепить людей от места их постоянного проживания и превратить из интровертов в экстравертов. Однако экспансионистские устремления государства входили в резкое противоречие с «национальным характером».

Японское государство 1930-х гг. не могло существовать без «больших» проектов, в которые оно вовлекало другие страны. Японцы же рассматривались как ресурс для

реализации этих планов. Их призывали отказаться от личных интересов и отдать все силы для выполнения «государственных» задач. Это означало «национализацию» тела японца и его детей (о понятиях «патернализация», «национализация», «приватизация» применительно к телесной культуре см.: [Мещеряков 2020]). В 1937 г. Япония начала полноформатную войну в Китае. Она оказалась последним шагом на пути превращения Японии в тоталитарное государство. Экспансионистский курс правительства требовал не сокращения населения, а его увеличения. И не столько за счет роста продолжительности жизни и сокращения смертности, сколько за счет повышения рождаемости и увеличения доли молодых людей, способных нести высокие физические и демографические нагрузки. Либералам казалось, что японцев слишком много, «государственники» же считали, что их слишком мало для ведения войн и освоения завоеванных территорий. В связи с этим с 1937 г. впервые в новейшей японской истории стала проводиться политика по повышению рождаемости, а также по охране материнства и детства. В этом деле отчасти СССР, но еще в большей степени нацистская Германия, служили для императорской Японии вдохновляющим примером. Идеи Карла Хаусхофера (1869–1946) относительно нехватки «жизненного пространства» были крайне популярны в Японии, которая даже наградила его орденом. В самом скором времени легкая победа Германии над Францией станет объясняться тем, что в возрастной пирамиде французского населения «непропорционально» большое место занимают люди старших возрастов [Огино 2006, 154].

Настойчивая пропаганда ратовала за многодетность и понижение брачного возраста, то есть увеличение продолжительности репродуктивного периода, чтобы не «похоронить» самые фертильные годы [Там же, 159]. Таким образом, обеспокоенность перенаселенностью неожиданно сменилась призывами плодиться и размножаться. Точно так же, как и у «либералов», речь шла об изменении репродуктивного поведения. Но если либералы ратовали за снижение рождаемости (легализация абортов, стерилизация, применение противозачаточных средств, увеличение интервалов между рождениями), то военно-политический истеблишмент думал совсем в другом направлении. Перед каждой женщиной была поставлена амбициозная задача: отказаться от «эгоистичного» и «гедонистического» мировоззрения, понизить на три года возраст вступления в брак и родить не меньше пяти детей (на момент начала демографической политики – 4,6), чтобы через двадцать лет число этнических японцев возросло с 75 до 100 миллионов человек. Призыв к размножению прозвучал как раз в тот год, когда в связи с войной уменьшавшаяся и до того времени рождаемость продемонстрировала еще большее падение.

Японскую элиту страшили чужие дети. В составленном в 1941 г. документе министерства социального обеспечения (именно оно занималось демографическими вопросами) указывалось, что на одного новорожденного японца приходится семь китайских, пять индийских и три советских ребенка, и Япония должна сократить этот пугающий разрыв [Кокумин... 1941, 18]. Правительственная политика поощрения рождаемости была направлена на еще большее увеличение демографического давления и провоцировала поиски решения этой проблемы вне пределов собственных границ, что и привело в результате к колоссальным жертвам и катастрофическому поражению во Второй мировой войне.

* * *

Демографические взрывы в токугавской и мэйдзэйской Японии привели к совершенно различным историческим и социальным результатам, что было следствием разной ценностной ориентации. Относительная перенаселенность Японии в конце XVII – начале XVIII в. вызвала к жизни изменение репродуктивного поведения, но не сказалась на внешней политике страны, которая заключалась в отсутствии таковой политики: Япония как была, так и оставалась закрытой страной. Япония начала XX в. реагировала на демографическое давление совершенно иным образом. Ведя завоевательные войны

и поощряя миграцию японцев на завоеванные территории, страна стала нуждаться в увеличении людского ресурса и после начала полномасштабной войны с Китаем (1937 г.) начала политику поощрения рождаемости. В послевоенное время после короткого бэби-бума стала проводиться настойчивая пропаганда снижения рождаемости для борьбы с бедностью и для успешного экономического развития. Как и в случае с пропагандой моногамии полвека назад, японцы продемонстрировали уникальную внушаемость. За короткий срок женская фертильность (суммарный коэффициент рождаемости) показала беспрецедентное падение: с 1947 по 1957 г. она обвалилась с 4,54 до рекордных 2,04. С этих пор традиционные конфуцианские ценности (многодетность и забота о престарелых родителях) стали стремительно уходить в прошлое.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Иноуэ 1889 – *Иноуэ Тэцудзиро*. Найти дзаккэ рон [О совместном проживании в Японии]. Токио: Тэцугаку сёин, 1889 (Inoue, Tetsujiro, *Naichi zakkyo ron*, in Japanese).

Кокумин юсэй дзукай [Таблицы и пояснения относительно евгеники народа] // Косэйсё ёбокё-ку хэн. Токио, 1941. С. 18 (*Kokumin yusei zukai*, in Japanese).

Нисикава 1988 – *Нисикава Дзёкэн*. Нихон суйдо ко. Суйдо кайбэн. Каи цусё ко [Размышления о японских землях и водах. Разъяснения о землях и водах. Размышления о китайской и варварской торговле]. Токио: Иванами, 1988 (Nishikawa, Joken, *Nihon suido ko, Suido kaiben, Kai tsusho ko*, in Japanese).

Оцуки, Симура 2009 – *Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки*. Канкай ибун. Удивительные сведения об окружающих землю морях / Пер. В.Н. Горегляда. СПб.: Гиперион, 2009 (Otsuki, Gentaku, Shimura, Hiroyuki, *Kankai Ibun*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian and Japanese

Ёсида 1962 – *Ёсида Тадао*. Мёнити-но дзинко мондай [Демографические проблемы завтрашнего дня]. Токио: Гэндай кёё бумпо, 1962.

Кито 2000 – *Кито Хироси*. Дзинко-кара ёму нихон-но рэкиси [Японская история с точки зрения демографии]. Токио: Коданся, 2000.

Мещеряков 2020 – *Мещеряков А.Н.* Статья японцем. Топография тела и его приключения // *Мещеряков А.Н.* Страна Япония: жить японцем. СПб.: Петербургское востоковедение, 2020. С. 9–284.

Огино 2006 – *Огино Михо*. Дзинко сэйсаку то кадзоку. Куни-но тамэ-ни уму кото то уману кото [Демографическая политика и семья. Рожать или не рожать на благо страны]. Токио: Иванами, 2006 (Иванами кодза адзиа, тайхэйё сэнсо [Лекции Иванами о войне в Азии и Тихом океане], т. 3).

Савельев 1997 – *Савельев И.Р.* Японцы за океаном. История Японской эмиграции в Северную и Южную Америку. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997.

Фудзино 1998 – *Фудзино Ютака*. Нихон фасидзуму то юсэй сисо [Японский фашизм и евгеника]. Токио: Камогава, 1998.

References

Dinmore, Eric G. (2006) *A Small Island Nation Poor in Resources. Natural and Human Anxieties in Trans-World War II Japan*, PhD Diss., Princeton University, Princeton.

Drixler, Fabian (2013) *Mabiki: Infanticide and Population Growth in Eastern Japan, 1660–1950*. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London.

Farris, William W. (2006) *Japan's Medieval Population: famine, fertility and warfare in an transformative age*. University of Hawaii Press, Honolulu.

Fujino, Yutaka (1998) *Japanese Fascism and Eugenics*, Kamogawa, Tokyo (in Japanese).

Iriye, Akira (1974) "The Failure of Economic Expansionism: 1918–1931", Silberman, Bernard S., Harootunian, Harry D., eds., *Japan in Crisis. Essays on Taisho Democracy*, Princeton University Press, Princeton.

Kito, Hiroshi (2000) *Japanese history in Terms of Demographics*, Kodansha, Tokyo.

Meshcheryakov, Alexander N. (2020) "To Become A Japanese. Body Topography and Body Adventures", Meshcheryakov, Alexander N. *Japan Country: To Live As A Japanese*, Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, pp. 9–284.

Ogino, Miho (2006) *Demographic Policy and Family. To Give Birth or Not to Give Birth for the Good of the Country*, Iwanami, Tokyo (in Japanese).

Savelyev, Igor R. (1997) *Japanese across the Sea. History of Japanese emigration to North and South America*, Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg.

Thompson, Warren S. (1929) *Danger Spots in World Population*, Knopf, New York.

Yoshida, Tadao (1962) *Demographic challenges of tomorrow*, Gendai kyoyo bunpo, Tokyo.

Сведения об авторе

МЕЩЕРЯКОВ Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Author's Information

MESHCHERYAKOV Aleksander N. – DSc in History, Professor, Institute for Oriental and Classical Studies of National Research University Higher School of Economics.